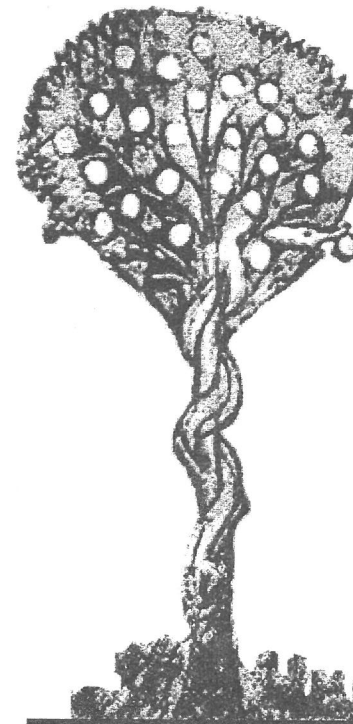

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

АЛЬМАНАХ
ГЕНДЕРНОЙ ИСТОРИИ

АДАМ & ЕВА

ADAM & EVE

GENDER HISTORY
YEARBOOK

2001

Москва

№2

цептами и объективистскими генерализирующими представлениями об истории, культуре и обществе, в конечном счете, ведут к "одомашниванию" и качественному изменению облика изначально релятивных конструктов. Более того, присвоенные и омассовленные концепты приобретают функции социального действия, определенным образом участвуя в созидании новой, постсоветской реальности.

В настоящее время многие исследователи сознают, что освоение гендерного подхода предполагает критическое переосмысление всего содержания личного знания и имеющегося познавательного опыта. При этом главной, на мой взгляд, проблемой остается сохранение уважительной дистанции по отношению к *иному*.

Различные способы культурного перевода, так же как и разное понимание возможностей и границ применения "западных" концептов, в значительной мере определяются тем, насколько российские интеллектуалы могут рассматривать эти теоретико-методологические и языковые новации во взаимосвязи с общими парадигмальными изменениями в мировой науке, культуре, искусстве второй половины XX века.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Г.И.Зверева

Гендерная политика в конце XX века: опыт критического осмысления

После распада СССР на постсоветском пространстве возникли сложные процессы переопределения академических профессиональных сообществ. Открылись возможности свободного выбора и освоения теорий, подходов, языков мирового (прежде всего, современного западного) социально-гуманитарного знания. Вместе с тем, для многих гуманитариев оказалось чрезвычайно важным поддерживать и укреплять отношения в рамках "невидимых колледжей", которые складывались в советский период в течение десятилетий. Одним из оснований таких научных коммуникаций был и продолжает оставаться русский язык.

В настоящее время вполне можно говорить о трансформации на постсоветском пространстве русскоязычных академических сообществ – дисциплинарных и междисциплинарных. Направления их творческой работы в значительной степени обусловлены интеллектом новой генерации профессионалов. Белорусский историк Ирина Чикалова принадлежит именно к этому новому поколению. Она известна своими работами в области западной политической истории, а также разработкой "женской" и гендерной проблематики применительно к новейшей истории США и Западной Европы. Новая книга Ирины Чикаловой – "Партии и власть в США и Великобритании: гендерная политика в 1970-1990-е годы"¹ привлекает внимание читателей не только необычностью темы исследования, но и самим подходом к ее изучению. Следует отметить, что эта работа по своему замыслу и воплощению вполне "вписывается" в направления методологических поисков се-

¹ Чикалова И. Партии и власть в США и Великобритании: Гендерная политика в 1970-1990-е годы. Минск, 2000.

редине 1990-х годов, когда в России и в новых государствах Восточной Европы начали формироваться проблемные поля, которые складывались на основе рецепции и переработки западных философских, теоретических и художественно-практических построений. Одно из направлений этих поисков и было ориентировано на освоение западной феминистской критики, теории и практики гендерных исследований.

Заметим, что нередко познавательная работа такого рода сопровождалась ускоренным "скольжением" по предшествующему теоретико-методологическому опыту западных женских исследований, политического и философского феминизма середины XX в., постмодернистских феминистских и гендерных исследований. Вместе с тем, по мере критического осмысления западного опыта участники русскоязычных интеллектуальных сообществ постепенно расставались с иллюзией первых постсоветских лет о возможности утилитарного "присвоения" западных теорий, все отчетливее сознавая, что опрошенный "перевод" такого опыта невозможен.

В этом сложном интеллектуальном контексте книга Ирины Чикаловой выглядит не только полезным исследованием, которое позволяет глубже понять перипетии и динамику партийно-политической жизни в США и Великобритании, но и серьезным размышлением о способах выработки и принятия политических решений в условиях институциональных и социально-культурных перемен в современном западном обществе и государстве. Важность обозначения критической рефлексии такого рода определяется тем, что текст адресован русскоязычному читателю и, думается, опосредованно создает возможность для освоения элементов западного "гражданского опыта" (в данном случае, эффективности работы женских и феминистских организаций) в постсоветском пространстве.

Сам автор, исследуя гендерный аспект деятельности политических партий и государственных органов США и Великобритании, определяет свой предмет изучения достаточно объемно. Он включает в себя: многообразные направления и каналы воздействия феминистских и женских организаций на стратегию и тактику политических партий власти, работу законодательных и исполнительных органов на

национальном, федеральном и локальном уровнях; динамику и трудности вхождения женщин в институты политического управления; особенности восприятия политиками и общественными деятелями женских движений и феминизма; общее и особенное в гендерной политике двух стран и др.

Такая широкая постановка проблемы потребовала от Ирины Чикаловой тщательного изучения огромного массива источников официального и неофициального происхождения посредством применения разных исследовательских подходов. Во Введении автор определяет свои методологические приоритеты как системный социоисторический и социополитический подходы, историко-генетический и историко-сравнительный методы, приемы количественного и качественного анализа. Отметим, что при этом исследовательница не констатирует использование гендерного подхода, хотя в некоторых главах отчетливо прослеживаются результаты такого "прочтения" исторических источников.

Перед читателем возникает вопрос, ответ на который может быть дан лишь после завершения чтения всего текста. Если главным предметом исследования является "гендерная политика" (гендерный аспект политики партий власти), какие эвристические возможности в таком случае открывает перед автором собственно гендерный подход к современной политической истории, предполагающий определенный набор концептов и познавательных процедур.

В первой главе работы Ирина Чикалова подробно и с великолепным знанием истории вопроса характеризует состояние американской и британской феминистской историографии по проблематике участия женщин в политике. Она вписывает историографический обзор в теоретический контекст феминистской критики и гендерных исследований. Заметно, что автор отдает предпочтение трактовке "гендера" как социокультурного конструкта, специфика и динамика которого обусловлена историческими, политическими, идейными и другими факторами. Читатель ждет продолжения заявленного подхода и не обманывается в своих ожиданиях.

В последующих главах автор детально представляет историю партийно-политического противоборства ведущих политических партий в США и Великобритании, их "сраже-

ний" за электорат и сферы влияния в гражданском обществе. При этом Ирина Чикалова убедительно показывает роль теоретического феминизма и "практических" женских организаций двух стран в сложной трансформации позиций демократов и республиканцев в США, лейбористов и консерваторов в Великобритании по отношению к гражданским и политическим правам женщин.

Ирина Чикалова подчеркивает непростоту взаимоотношений между теоретическим феминизмом и социальной практикой женских организаций (заметим, проблема, которая остается актуальной и для постсоветских обществ). Тем более важным является предпринятый автором анализ содержания концептов и базовых слов, которые вошли в лексикон женских организаций благодаря феминистской критике и гендерным исследованиям (например, "патриархатная модель", "гендерная асимметрия", "маргинальность", "интеграция", "осознание силы", "власть", "политика" и пр.).

Аргументированным представляется утверждение автора о том, что в США и Великобритании женщины стали "реальным фактором политики" именно вследствие активности женских неправительственных организаций. Трудное признание правящими политическими партиями значимости феминистской теории и практики для реализации собственных тактических задач, равно как и усвоение ими необходимости разработки гендерных стратегий, — таковы наиболее очевидные результаты женских движений на Западе.

Книга Ирины Чикаловой порождает у читателя немало вопросов. В том числе и вопрос о соотношении тем "гендерная политика" и "политика в отношении женщин". Не случайно, думается, и в странах Запада, и в постсоветских странах гендерная проблематика разрабатывается преимущественно женщинами-исследовательницами. Несмотря на то, что западные общества существенно продвинулись в понимании себя как поликультурных образований, в их позиции по отношению к гендерной теме имеется немало общего с теми представлениями, которые по-прежнему доминируют на постсоветском пространстве.

SUMMARIES

Andrej Pavlov

Marriage: love or goodness (classical studies)

This article is devoted to the problem of the connection between marriage and love in antiquity. Greek and Roman sources of various time and character are analyzed (Homer, Xenophon, Ovidius etc.).

In the author's opinion, the antique consciousness initially distinguished between the world of marriage and world of love, which is traced already in Greek mythology. Goodness, but not love, was the basis of marriage, that was based on traditions and customs of a community (*polis*). The case of family union based on love is only indirectly admitted in the epoch of late antiquity. Love is outside the sphere of a civil community (outside the family). Poets glorify love to hetaeras and perfect boys. The wife is glorified for goodness (if any), but more often she is not glorified, but edified, as the husband is a soul, and a woman is a body. Any sexual activity of the wife is always blamed for by the ancient as lust. Family and eros are two different worlds. In this duality, the duality of most antique kosmos is reflected, its naturalness and its wisdom. Eros is always something frightening, short-term, incomprehensible, natural; family is a socially ordered *kosmos*. Therefore, Eros, as an element not submitting to reason, cannot be introduced into the ordered world of a family, as it would result in the destruction of *Kosmos*, in its transformation into *Chaos*.

Evelyne Enderlein (Strasbourg)

Eros dans l'utopie Russe

L'article propose une incursion dans les écrits utopiques du XVIII-è au XIX-è siècles, essayant d'en dégager les substrats récurrents: de Šerbatov, Solov'ëv, Fëdorov, Berdjaev à Rosanov et Platonov, de Belinskij, emysevskij à Kollontaj et Petruševskaja...

Quelques remarques de fond:

- Les textes proprement utopiques, selon la définition de Thomas More, n'apparaissent en Russie que vers le milieu du XVIII siècle, mais lorsqu'ils se multiplient au XIX-è siècle, les problèmes politiques et sociaux prennent le pas sur la question sexuelle.

- Belinskij associe l'amour libre au socialisme, les nihilistes des années 60 expérimentent les nouvelles mœurs et l'égalité des sexes prônée dans le fameux roman de emysevskij "*Que faire?*", mais son héros, "l'Homme nouveau" Rachmetov s'avère être un ascète qui renonce à la sexualité au nom de la Grande Cause, comme le fait Bazarov, dans "*Pères et Fils*" de Turgenev.

- Les deux penseurs qui incarnent le mieux la pensée utopique russe sont Solov'ëv et Fëdorov. Le premier célèbre l'union de l'homme et de la femme, mais en mettant délibérément l'accent sur la communion spirituelle; le second concevra un projet grandiose dont le but final devra accomplir le dessein de Dieu: supprimer la mort, ressusciter les générations passées et, par conséquent, rendre superflue toute vie sexuelle. Seul Rosanov ose valoriser la vie de la chair, mais à la suite de So-